

Сейчас ругать Большой театр стало чуть ли не модой. Действительно ли так безнадежны дела на первой музыкальной сцене страны? Отвращают ли скрытые от внешнего взгляда явления, сопутствующие творческому процессу и являющиеся на его совсем не лучшим образом, мы и попросили генерального директора ГАБТа и КДС Владимира Михайловича Коконина.

— Я сторонник того, чтобы искать здравый смысл в любом мнении, но я не разделяю суждение о каком-то особом кризисе именно Большого театра. Если мы говорим о перестройке, затрагивающей все области нашей жизни, надо понимать, что в орбиту перестройки попадает и ГАБТ. Принято считать, что мы в особом положении. Но известной степени это так. Во всяком случае нам, как другим театрам, не приходится, например, печальться о выполнении заданья. Но неиссякаемый людской поток, который льется через наш зал, — отнюдь не повод для ликования. Сюда же в театр несколько раз подряд и мы не встретим анкламов, с которыми можно было бы обсудить, как игра, реж. танцевал тот или иной артист вчера и как выглядит он сегодня. Я с уважением отношусь к людям, которые к нам приходят, но, к сожалению, так мало среди них истинных театралов. Тратить нашу постоянную публику мы начали более двадцать лет назад, когда от Большого был отторгнут его филиал. Чем он был нам так донельзя Тем, что позволил мобильно менять спектакли, экспериментировать в камерном репертуаре. Это было в широком поле деятельности для артистической молодежи. На спектаклях филиала в достояние мере росли и мы, и уровень нашей публики.

— Но в сейчас у Большого две сцены.
— Это разные вещи. Вопрос перенесения спектаклей театра на сцену Кремлевского Дворца съездов был в свое время решен волеизъявлением, без внимания к театральным законам и правилам. Мы часто слышим: «Канья ави развуча, те и делю, что сценя КДС близо при-способлена для любого рода спектаклей, а для музыкальных — особенно». Здесь трудная ситуация. Прокладется прорезь и пойдут микрофонов. Но сценический артист не астрадный, микрофон ему мешает. Теперь возьмем мониторную сцену/галерею. Это целое событие. В КДС негде хранить декорации. Каждый раз мы их привозим и увозим. А что значит даять туда-сюда такие громады, как декорационные комплексы фундаментальных спектаклей! Я уже не гово-

ТО И КА ЗРЕНИЯ ДИРЕКТОРА

Гов. Кобыльницкая. — 1988. — 6 июля.

ро о деформациях, которые при этом неизбежны. А такая деталь, как поват сцены. В КДС она плоская. Это убивает нагрузку, которые испытывают танцовщики. Коллектив Большого театра, работники КДС, отдавая должное важности этой сцены, старается преодолеть еще массу трудностей. Ведь она помогает приобрести к классическому искусству самые широкие массы. Однако хочу еще раз подчеркнуть, если КДС — это просвещение, то филиал давал публике глубокие знания. Не порываясь с КДС, мы должны возвратиться к наш бывший филиал.

— Перечисляя преимущества филиала, вы затронули вопрос мобильности репертуара.
— У нас сейчас в репертуаре более 50 названий. Такое не имеет ни один оперный театр мира. Однако асплюатировать, как говорится, «в хвост и в гриву», причем течение десятилетий, нам приходится лишь около двадцати. Все это замечательные произведения, но в своеобразный «дренгальский набор», который всегда нужен нашей бесконечной публике. А ведь они, эти «вечновелюемые» произведения, тоже нуждаются в отдыхе и в свежем постановочном взгляде. И так, дежурный режиссер артельного зала джикует и дежурный репертуар. Отсюда нередко дежурное отношение к своему делу и артистов.

К репертуару дежурств и бы отнес и целевые спектакли, которые анкувалются организациями. Кроме-то, на арене существования этой формы работы в ней был определенный смысл. Потому мы, к нашему прискорбию, начали замечать, что публика, которая приходит на наши спектакли, лишь процентов на 30 состоит из зрителей, а остальные — это равнодушные: дали им билеты, ну пришли, посидели, в буфете отстемались, а то, что происходит на сцене... На этих спектаклях в зале — холод, отсутствие атмосферы сотрудничества.

— Кстати, судя по воспоминаниям театраль-ных мемуаристов, атмосфера в зале в добрые старые времена часто делала гамерка — молодежь, студенты.
— Мы хотим возродить традиции галереи. Отныне из числа приглашенных 50 ежедневно будут отсылаться специально для студенческой молодежи. Ни разу первый зал не был пустым. И тем не менее уже около 20 тысяч человек в зале смогут посмотреть спектакли Большого театра за, прямо скажем, символическую плату.

— А как будут появлять эти билеты во назначено?
— Для начала мы хотели бы прибегнуть к помощи молодежных организаций. Надеемся,

что наш культурный посол будет соответствующе воспринят нашими партнерами. Но в театре все на виду. И если мы поймем, что этот начин станет удобной для новых билетных махинаций, организация дела будет перестроена.

— В филармонической практике существует неплохой зарекомендовавший себя система абонементов.
— И этот вопрос у нас на повестке дня. Совместно с Министерством культуры СССР мы занялись и сокращением обязательной ежегодной брони различных организациям, которые посто-му считают необходимым иметь свой постоянный «карман» в Большом театре. Вынь да поковынь вынос исключительно билеты. Вынь да поковынь, на данный момент организация требуется всего один билет. Остальные же пристроит знакомым, которым важно просто отстематься в Большом театре. А за его стенами остаются те, которым действительно необходимо посмотреть спектакли...

— И кто будет принуждены подчас покупать билеты внедродорога. Билеты в Большой — постоянный источник дохода для делцов «черного» рынка.
— Да, лучше, конечно, если бы эти деньги оседали не у частных лиц, а в нашей казне. Но идею подыема цен на билеты, даже как средство борьбы со спекуляцией, я не поддерживаю. И если наш театр пока существует в силу организационных моментов, то уж финансовую доступность мы обязаны сохранить. Кстати, неверно было бы думать, что мы ванаты работниками только о нашей постоянной публике. Ведь есть люди, которые вынуждены покупать билеты лишь только для того, чтобы познакомиться с интерьером театра. Следуя опыту некоторых зарубежных театров, для таких посетителей мы респляя проводить экскурсии в дневное время. Воспрет этот непростой. Необходимо учитывать, что здание театра не музейное. В нем постоянно идет релитационная работа. Эти организационные моменты мы сейчас решаем.

— Организационные моменты... Наверное, это касается не только расширения билетной и организационной интукции.
— Многие наши организационные формы оказались устаревшими. Например, сейчас идет расширение внешних связей. И, конечно, Большой театр не может оставаться в стороне от этих процессов. Количество гастрольных выездов труппы, отдельных солистов увеличилось. Наши ведущие солисты в развечаядя, и мы, естественно, слышим ропот недовольства. Вероятно, наарае вопрос о необходимости введения контрактной системы, которая определяла бы

обязательства артиста перед театрами в стране или за рубежом, а также театра перед артистом. Это трудный процесс. Несогласованность у нас привела к тому, что не нашел для себя возможности работать в театре такой выдающийся артист, как Владимир Атлантов. Но я очень рассчитываю, что мы изыщем приемлемую форму и для него, и для нас.

Вопрос договорной системы широко обсуждается во всех театральном коллективах, в Союзе театральном деятелей, где активно занимается упорчением положений творческих работников театров. Стараниями СТД уже сделаны с первой точки вопрос о пенсионном обеспечении. Замечу, что мы должны образом не оценили еще этого шага. Что касается контрактной системы, то здесь много нюансов. Кого касается это? Только ли солистов, а если да, то каких? Мнение по этому поводу высказывается очень много.

На мой взгляд, эта система приемлема лишь для тех, заработок которых достаточно высок, и ни в коем случае для артистов, у которых он не стабилен. Меня не очень радует, когда я слышу призывы: «Всех — на договор!» Думается все же, что это шаг назад, к бродячим труппам, временам Ариадны Сципилианы. Сейчас артист музыкального театра социально защищен. А если мы все поставим на контракт, то могут возникнуть трудности, которые приведут нас в тупик. Нужно хорошо все продумать.

А сколько подобных вопросов накопилось! Ваньх хотя бы систему переименования, как говорить, без пяти минут договорную. Она вызвала массу завываний, протестов. У нас в театре она как-то сработывает. А в некоторых не приважается никак, ее сабстурют, и людей понять можно. Там что, возможно, наш путь — это мисогарвантисность в и оплате, и в структуре штатного состава. Для ведущего солиста — это одно, для артиста хора — другое, для оркестранта — третье. А сейчас мы все, как во времена царя Гороха: «младший стодолвачник», «старший стодолвачник», потом пенсия приходит, нам орден Станислава или Анны... Все по ранжиру. Вся система произвана чужама...

— Но давайте вернуться к Большому. Как будет в приемом в театр?
— Это один из проблем последних лет, когда часто театры принимали певцов. Нужно было обрядать большим демократизмом и широтой взгляда, чтобы сознательно приглашать замену себе. В языке редко такое случается. Сегодня мы вправе получить более объективное суждение. У нас образована коллегия, которую воз-

главил главный дирижер и художественный руководитель театра Александр Николаевич Лавров.

— А кто входит в коллегию?
— Люди, которые заинтересованы и творческих результатах. Это представители всех художественных советов, которые есть теперь у нас в каждом коллективе. Среди них и творческие работники, и театральная общественность, и администрация. Люди, на мой взгляд, достаточно авторитетные и объективные.

Художественные советы — это своеобразный элемент самоуправления. Пока они несовершенны. Но это те общественные органы, которые должны сделать нашу работу более коллективной.

Острый вопрос — предоставление артисту жилищлоды в Москве. Вспоминаю, сколько из известных «звезд» Большого приехали к нам на других городов? На сегодня мы должны были иметь или комфортабельную гостиницу, или ведомственный дом. В старые добрые времена при императорских театрах существовали служебные квартиры, которые могли быть и «о пяти комнатах». Они, как правило, располагались вблизи театров и предоставлялись артистам на период их работы. Нам же стоит большого труда хоть как-нибудь устроить артистов с периферии, а это существенно влияет на приток свежих сил в театр.

— Наверное и вы, во лучших образцов дела обстоит с оркестром в хором. Прокладется слышать, что оркестр Большого театра потерял популярность среди музыкантов. Между тем история театра свидетельствует о том, что, например, в 20-е годы там выдающиеся дирижеры, как, например, Клемперер, Кутзе, Фрид, считался как лучший дирижировать спектаклями Большого. И не последнюю роль в этом играл именно оркестр. Кстати, оркестр давал концерты. Сейчас это, кажется, редкое явление.

— Да, артистом высококвалифицированных музыкантов в наш оркестр заметно сократился, в хоре — ванасия. И людей понять можно. Гораздо приятнее, интересное, наконец, физически легче играть в филармоническом оркестре. А заработок такой же. Там ты на виду, а здесь, пылясь из-за занавеса, в оркестровой яме. Там даннообразный репертуар, а здесь, испробуй вывань свой творческий потенциал. Гастроль, концерты именно оркестра, конечно, необходимы, но как увязать это с поточной линией, которую представляет сейчас наша работа? Теперь стало чуть ли не правилом, когда музыкант в нашем оркестре или бы проходил практику, а через некоторое время уходит в

другой, с его точки зрения, более престижный коллектив.

Что же касается хора — это вопрос просто быдственный. Надо или безумно любить свое дело, или уже находиться в безвыходном положении, чтобы приходиться каждый день, взираясь антерским мастерством, тримом, движением, участвовать в спектаклях, а вечером клеить борду, усы, гримироваться, надевать пыльный костюм, лезть и получать за это, я не боюсь сказать, гроши. В общем, ванша прославленная хором театральная традиция держится только на энтузиазме.

— Сейчас широко обсуждается вопрос о хозрасчете.

— Я скептически отношусь к хозрасчету в творческих организациях, особенно когда дело касается таких общенациональных художественных центров, как Большой театр. Однако, думаю о тех реформах, которые нам выделет государство, мы прискорбно понимаем, что текущий путь покрытия хотя бы части расходов, исключая при этом, как я уже говорил, выкачивание денег из карманов наших зрителей. Кстати, если повольте поднять деньги на билеты с целью покрытия лишь небольшой, я подчеркиваю, части расходов, то нам бы пришлось пересмотреть от наших трех — пяти рублей до пятидесяти — ста. Это несерьезный разговор. Однако мы будем максимизировать возможность перевода нашего хозяйства на новые экономические принципы.

Жизненно необходимо изменить материальные условия еще одной очень важной части нашего организма — производственных мастеров. В традиции Большого театра — отличное качество декораций, буффонады, костюмов. Есть вещи, которые можно сделать только у нас и нигде больше в мире, это и искусство универсальность. Но сегодня технический уровень производственных мастеров театра дошел до такого состояния, что ваводы Демидова на Урале в петровские времена в сравнении с нами — XXI век. А ведь здесь работают уникальные специалисты, настоящие виртуозы своего дела. Грустно сознавать, что у них практикачески нет последователей. Школы. Однако эти вопросы почему-то остаются вне сферы интересов и внимания тех, кто платит о нас.

Еще один пожелание. Оно в адрес наших зрителей, от которых, как я уже говорил, в большой мере авансит — быть праздничной в зале или нет. Вряд-да являющейся простотой иногда просто обескураживает. Как грустно видеть в сияющем зале Большого вершину или подомашнему одетого человека. Поэтому обращаясь к вам, дорогой Зритель: «Мы ждем Вас! Форма одежды — преданья».

Беседу вела Л. БОРЗЯК.